

© 1993 г.

В. КАБАЛИНА

ОТ ИМЕНИ КОГО, ПРОТИВ КОГО, ВО ИМЯ КАКИХ ЦЕННОСТЕЙ?

Когда в декабре 1991 г. мы начинали работу с группой активистов политического движения, в обществе уже прошла эйфория от победы демократических сил. После провала августовского путча демократическое движение переживало сложные времена: обострились внутренние противоречия, расколы и выходы партий из движения следовали один за другим. Журналисты поспешили назвать «Демократическую Россию», самое крупное из возникших в России общественных движений, «политическим трупом». В политической литературе появились работы, в которых давалась оценка конкретно-исторической роли демократического движения как силы, порожденной тоталитарной системой и призванной ее устранить. Консультант Верховного Совета России В. Пастухов писал: «Российское демократическое движение есть продукт распада тоталитарной системы... На последней стадии кризиса тоталитарная система... порождает своего "убийцу", силу, смыслом существования которой является устранение тоталитаризма. Обратившись во власть, движение перестает существовать как нечто целое... Оно выполнило свою миссию, уничтожив тоталитарную власть, и после этого перестало существовать как движение» [1].

Дезинтеграционные процессы в демократическом движении нарастали, кризис углублялся, но... движение не исчезало. В нем оставались люди, приверженные идее демократии и обеспокоенные будущей судьбой демократического движения в России. С такими активными участниками политического движения нам повезло общаться, начиная с октября 1991 г., и в течение трех месяцев обсуждать проблемы движения. Предложенный материал можно считать результатом коллективной работы. Я благодарю своих коллег-социологов Алексиса Береловича, Эдуарда Клопова и Галину Монусову, но прежде всего, членов группы социологической интервенции, которые уделили нам столь много внимания: Лидию А., Юлию С, Валентину К., Марианну С, Татьяну Б., Юрия Р., Евгения Ж., Владимира Ф., Михаила К., Николая Ж., Владимира Л., Нодария Х., Александра К., Анатолия А. Автор надеется, что в предложенном видении процессов эволюции российского демократического движения хорошо будут слышны голоса его непосредственных и активных участников. Разные голоса.

В России не было единого демократического политического движения. Политическая сторона присутствовала в шахтерском движении, которое один из наших экспертов определил как «демократическое движение, организованное по производственному принципу». В период борьбы с КПСС демократические идеи находили поддержку в экологическом движении и среди нарождающегося слоя предпринимателей. В самом политическом движении, представленном электоральным объединением демократических сил «Демократическая Россия», всегда существовали разные течения и присутствовал широкий набор идей и проектов будущего.

Чтобы сложить мозаику российского политического движения демократической ориентации, нужно было бы организовать работу не с одной группой активистов. Группа, с которой мы работали, это преимущественно беспартийная часть московской организации «ДемРоссия». И вряд ли самоанализ этой группы может дать представление о всех проблемах, которые вытекают из неравномерности демократического процесса в разных регионах России. Однако нет сомнения, что наша группа обладала качеством, необходимым для группы социологической интервенции. Ее члены имели опыт действия и оказались готовыми и способными размышлять над теми вопросами, которые мы, социологи, задавали себе, начиная исследование. Есть ли социальные актеры в процессе демонтажа тоталитарной системы? А если есть, то могут ли участники разрушения старой системы одновременно быть создателями нового общества?

ФОРМИРОВАНИЕ ДВИЖЕНИЯ

В период формирования все крупные социальные движения черпали силу для сопротивления из моральной энергии своих активистов.

А. Турен

Диссиденты как предтеча массового демократического движения

Крушение тоталитарной системы и возникновение в России массовых общественных движений еще раз подтвердило нежизнеспособность объяснительных моделей тоталитарного общества советского типа как системы, в которой тоталитарное государство целиком уничтожает общество, не оставляя в нем ничего для развития ростков демократии. Пределы всеобъемлющей тоталитарной власти наложил природа человека. Тоталитаризм оказался бессильным разрушить в человеке человеческое: его стремление к самовыражению и свободе.

Первую трещину в тоталитарной системе сделали диссиденты, «люди исключительной смелости», которые поняли и прочувствовали, насколько ужасен этот строй, и не захотели вести тот образ жизни, который им навязывала система. Они нашли в себе мужество заявить о несогласии с режимом.

Однако выступления диссидентов не были еще массовым коллективным действием. Это был глубоко личный, нравственный протест против системы. Известный правозащитник Владимир Буковский признавался: «У нас не было организации. То, что мы делали, было очень индивидуально. На баррикады идут за себя, за свое чувство достоинства» [2].

Но эти люди «проложили путь массовому демократическому движению. Они создавали прецедент, давали возможность всем остальным мыслящим людям как

бы равняться на них» (Лидия А.). Диссидентское движение 60—80-х годов с его ярко выраженным нравственным импульсом стало предтечей массового демократического движения конца 80-х. Оно подготовило психологическую и идеологическую почву для появления этико-политических актеров перестройки.

Демократизация

Однако смелые выступления одиночек — носителей альтернативной этики — не представляли угрозу для системы. Она сохраняла закрытость по отношению к внешнему миру — «не глядя, что происходит за рубежом, массам, а не одиночкам, трудно было осознать, что происходит в своей стране» (Нодарий Х.). Она оставалась внутренне закрытой — не допускала коллективных выражений оппозиционного мнения и пресекала любые выступления с намеком на массовость.

При неразвитом гражданском обществе инициатива открытия системы могла исходить только от самой власти. Политика гласности, провозглашенная пришедшими к власти в апреле 1985 г. реформаторами-коммунистами во главе с Горбачевым, стала первым шагом к открытию системы. Она расширила возможности обсуждения идей, отличных от социалистической, и формировать общественное мнение.

Политику гласности поддержала просвещенная интеллигенция, которая стала распространять в широких массах идеи, ранее известные лишь в узком диссидентском кругу. Эти «властители дум» впоследствии оказались в числе лидеров демократического движения.

В Москве и других крупных городах стали появляться политические клубы единомышленников, в которых дискутировались вопросы прошлого и будущего страны. Многие члены этих клубов стали активными участниками демократического процесса, основателями новых партий. В рядах КПСС началось «движение за перестройку»; демократически ориентированные коммунисты организовывали политические клубы, пытаясь изнутри «улучшить» КПСС.

Многие участники нашей группы оказались в движении еще на этих ранних этапах: одни участвовали в работе «Мемориала» и Московского народного фронта, другие пришли в демократическое движение как коммунисты, испытывавшие внутреннюю эволюцию.

Демократическое движение переживало эмбриональную стадию развития, которая характеризовалась привнесением демократических ценностей в общественное сознание и появлением «гражданских инициатив» — зачаточных форм политических организаций.

Выборы

Первые выборы на альтернативной основе были проведены в марте 1989 г. Это был второй шаг к открытию системы, сделанный инициаторами перестройки. Впервые появилась возможность легитимного коллективного политического действия — борьбы за представительство в существующих политических структурах.

Выборы вызвали всплеск активности широких слоев населения, которые могли выдвигать требования, не совпадающие с программой КПСС. Для организации выборов и поддержки независимых и демократически настроенных кандидатов на базе групп поддержки усилиями активистов были созданы клубы избирателей, по выражению Юрия Р., «свободное общество свободно собравшихся людей». Движение, доселе существовавшее как выражение общественного мнения, получило теперь организационное оформление. Демократическое движение родилось как массовое политическое движение — массовое не в организационном плане, а в смысле поддержки.

«Я не сомневаюсь, что, если бы не возникла предвыборная кампания 1989—1990 гг., тем людям, которые были диссидентами или вышли из общего русла, было бы невозможно встать к рычагам управления. Без людей, которые поддерживали и проделали гигантскую работу по выборам и потом откликнулись на призывы идти на митинги и демонстрации, без них бы ничего не получилось» <Нодарий Х.).

Предвыборная активность, которая на данном этапе развития движения была ключевой, стала наиболее результативной с точки зрения вовлечения широких слоев советского общества в политическую деятельность. С одной стороны, она не требовала от потенциальных сторонников движения больших усилий, была законной и безопасной, а потому и приемлемой для советских людей, в которых тоталитарная система внедрила страх перед любой самостоятельной активностью как уголовно наказуемым деянием. С другой стороны, предвыборная деятельность позволила формирующемуся движению использовать для привлечения сторонников ресурсы, которые перекрывали слабую материальную оснащенность выборов кандидатов, не входящих в официальные структуры. В-первых, выдвижение мобилизующих и всезахватывающих лозунгов борьбы с тоталитарной системой, выражавших настроения преобладающей части советского общества. Во-вторых, выдвижение кандидатов и лидеров, которые не запятнали себя сотрудничеством со старым режимом, или успели проявить себя как оппоненты КПСС.

«Мы агитировали за того или иного кандидата под его программу. Но наши избиратели хотели, чтобы он был беспартийным. Тот факт, что он коммунист, компрометировал кандидата» (Валентина К.).

Персонификация движения и партий стала отличительной чертой политического процесса в России. Николай Ж. поделился своими наблюдениями. Когда возникала какая-то новая политическая организация, большинство интересовалось не программами. «Кто у вас лидер? Кто олицетворяет вашу партию, движение?» — такой был первый вопрос.

Политическое действие в виде выборов, митингов, демонстраций как форм прямого участия в политической деятельности сыграло не только мобилизующую, но и структурирующую роль. Это хорошо осознавали участники нашей группы.

«"ДемРоссия" дает возможность людям выразить себя, всем вместе участвовать в конкретных действиях. За два года жители Москвы сумели увидеть, сколько их, единомышленников» (Марианна С.).

«В критический момент (путча. — В.К.) люди знали, куда идти, куда звонить, к кому приходить. Этого раньше не было. Это, действительно, заслуга "ДемРоссии". Процесс осмысления действительности, процесс единения людей пошел по каким-то своим болевым точкам. Из людей ушел страх. Они знают, что все вместе они сила. Люди осознали свое место в политической жизни страны» (Лидия А.).

Проведение выборов в местные органы власти и российский парламент в 1990 г. потребовало сплочения сил и более четкого оформления демократически ориентированного политического движения. В ходе предвыборной борьбы образовался блок «Демократическая Россия», включивший в себя более 30 партий и общественных организаций.

В результате активной агитационной работы клубов избирателей, ставших организационными ячейками «ДемРоссии», в ряде городов России кандидаты, поддержанные «Демократической Россией», были выбраны в представительные органы власти, а в Моссовете и Ленсовете они составили большинство. Вхождение депутатов в существующие структуры власти привело к ослаблению движения и расслоению его на два уровня: верхний уровень — депутатский корпус, в котором отчасти оказались лидеры движения республиканского и

местного масштабов и нижний уровень — районные ячейки «ДемРоссии». Связь между этими уровнями была очень слабой. Выборы проходили при отсутствии многопартийной системы.

«В этой ситуации блок "ДемРоссия" выступал как заменитель партии, как суррогат. После того как мы выбрали кандидатов, они оказались в представительных органах власти, разбились на неведомые нам фракции. Стали тем самым независимыми от тех клубов и организаций, которые их выдвигали» (Валентина К.).

В дальнейшем отрыв депутатов от электората происходил не только потому, что в движении отсутствовал механизм взаимной ответственности, присущий партиям. Продолжались процессы переструктурирования общества, которые ускорились с началом экономической реформы. Аморфная, но относительная однородная социальная база, поддерживавшая первых демократически настроенных кандидатов, стала расслаиваться. Эти депутаты уже не могли отражать возникающие разнонаправленные интересы.

Движение многих ради немногих целей

Демократическое движение в России родилось не для выражения классовых или узкогрупповых интересов. По словам Марианны С, «демократическое движение у нас основано на нравственной позиции, но никак не на программе». Нравственный протест играл едва ли не главную роль в том, что люди вставали в оппозицию системе. «Так жить нельзя!» — именно с этой мыслью люди шли на митинги и демонстрации. Нодарий Х. заметил, что терпели люди долго, но легче отозвались. Здесь проявилось такое свойство русского характера, как «движимость души». Нодарию же принадлежит определение: «Движение — это совесть».

В этом нравственном порыве активных участников и сторонников демократического движения было прежде всего желание порвать с прежней системой.

«Я думаю, что когда "ДемРоссия" стала массовым движением, основное, что двигало людьми, это неприятие окружающего, которое воспринималось как клетка» (Анатолий А.).

Но помимо лозунгов борьбы с тоталитаризмом, люди шли под знамена «ДемРоссии», воодушевленные идеалами демократии, свободы, прав человека.

«Демократическое движение возникло прежде всего как движение против. Но не только против. Но и за, за демократию. Люди по-разному понимали и представляли, что такое демократия (трудно знать умозрительно, что такое демократия). Но все понимали, чтобы достичь когда-то этого демократического способа существования общества, нужно разрушить эту старую систему. Выступление против — это не самоцель, а способ достижения положительного момента» (Николай Ж.).

Будущее демократическое общество виделось в общих чертах, «людям просто хотелось жить лучше, чувствовать себя более свободными людьми» (Николай Ж.). Даже среди участников нашей группы не было единодушия в понимании демократии. Демократия в понимании Юрия Р., это — «дайте мне жить и не мешайте работать!» Для Лидии А. демократия начинается с внутренней свободы человека. Валентина К. не представляла себе демократию без широкого участия населения в общественной жизни.

Как можно было объединить в одно движение людей с разным пониманием демократии как цели, которой надо достичь? Если только демократия приобретает значение символа, на этапе борьбы с тоталитарной системой прежде всего как символа разрыва с тоталитарным прошлым.

Для «актера» переходного периода характерно символическое сознание. В символах воспринимается и отторгается прошлое. Неоднократно в ходе

встреч с собеседниками в группе мы наблюдали своеобразную реакцию активистов демократического движения на то, что символизировало прошлое: «социализм», «коммунизм», «партия». Но и будущее конструируется первоначально в идеалах-символах. В таком символически-лозунговом виде новые идеи доходят до широких масс и обретают мобилизующую силу.

Сотворение символов происходило на этапе формирования демократического общественного сознания, продолжалось оно в ходе выборов и митингов. Вот как об этом рассказывала активный член районного клуба избирателей Валентина К.:

«Нам надо было вести работу в массах и на митингах. И когда эти идеи (демократии и рынка. — *В.К.*) стали переходить к широким слоям общества, тут они стали искажаться... Просто эти идеи не усваивались в таком позитивном объеме. Они упрощались: при коммунистах нам было плохо, а вот придут демократы и сделают что-то другое, поэтому давайте их поддерживать. Безусловно, это было сужение программы».

Многие элементы, например, программы «Демократической России» носили символический характер еще и потому, что широкое политическое движение с большим числом партий — от социал-демократического до либерал-консервативного толка — не могло разработать единую политическую и экономическую программу, сформулировать общее видение будущего российского общества.

Наконец, трудно разработать хорошую программу, когда не было опыта, не было профессиональных политиков и не было спроса на программу. Марианна С. передала общее настроение: «Ощущение вечности этого кошмара преследовало нас всегда. И это не давало нам повода создавать программы. Настолько для нас было неожиданно, что все так быстро произойдет». — «Все силы были брошены на то, чтобы заставить монстр КПСС покинуть политическую арену. И только после августовского путча "ДемРоссия" должна была задуматься, что же в конечном итоге надо делать. А раньше до этого просто руки не доходили» (Владимир Ф.).

Против кого: партия-государство и политическое движение

Трансформация тоталитарных режимов выявляет две противостоящие силы, два типа субъектов политического действия, а именно: формирующиеся независимые актеры гражданского общества и государство. Особенностью взаимоотношений этих оппонирующих субъектов в Советском Союзе, а затем и в России, явилось то обстоятельство, что реформы проводились сверху. Инициаторы перестройки, этого рискованного проекта, как пишет А. Арато, находились перед дилеммой: «Чтобы продвигать радикальные реформы, режим нуждался в независимой инициативе и давлении снизу; чтобы проводить изменения в желаемом для реформаторов направлении, эти независимые движения нужно было удерживать в определенных рамках» [3].

И поскольку реформы проводились сверху, линия водораздела между государством и демократическим движением проходила причудливым образом: она постоянно колебалась в зависимости от позиции коммунистов-реформаторов и перемещалась внутри правящей элиты. Ее реформаторская часть во главе с Горбачевым использовала поддержку снизу, со стороны демократически настроенной части общества в борьбе с консервативной частью партийно-государственного аппарата. Однако само демократическое движение было также неоднородно. Использование противоречий в элите было одним из направлений его тактики, которая приводила к формированию «двухполюсного» движения с умеренным и радикальным крылом.

«Соединение двух полюсов в одном движении позволяло в этот период (перестройки. — *В.К.*) осуществлять все задачи. Когда необходимо было воздействовать на власть имущих, умеющих слушать только действительную силу,

тогда мы проводили массовые акции, тогда тон задавало радикальное крыло. А когда необходимо было откалывать от номенклатуры более дальновидную ее часть, тогда действовало прагматическое крыло. Иначе мы бы столкнулись 19 августа с монолитным и решительным противником» (из выступления члена Координационного Совета «ДемРоссии» В. Боксера на II съезде «ДемРоссии», ноябрь 1991 г.).

Поначалу на этапе демократизации отношения властей и возникших самостоятельных политических организаций, по крайней мере, в Москве характеризовались в основном «мирным сосуществованием». Постепенно стал вырисовываться тот принципиальный конфликт, вокруг которого шла борьба: какое общество собираемся «строить» — «по-прежнему социализм с перспективой в коммунизм или демократическое правовое государство» (Николай Ж.).

«Горбачев однозначно имел в виду лишь совершенствование социализма, т.е. он хотел переокрасить фасад. А когда все это началось, то оказалось, что в обществе нашлось достаточно много людей, у которых было желание не просто переокрасить фасад, а принципиально изменить само здание, даже фундамент» (Николай Ж.).

Одновременно с пониманием, что цели демократического движения и инициаторов перестройки расходятся, происходило более четкое осознание оппонента. Конфликт получил очертания борьбы против КПСС как воплощения тоталитарного государства. На другой стороне оказалось все общество, еще не структурированное и спаянное общей целью разрушения тоталитарного государства. Этот общий интерес представляло демократическое движение.

Надежды Горбачева удержать социальные движения в определенных рамках союзнических взаимоотношений не оправдались. Демократическое движение все более радикализировалось. Развитие, отношений пошло по сценарию «мы—они», в котором Горбачев потерял инициативу.

В борьбе за демократию и реформу демократическое движение, действовавшее на территории России, приобрело национально-освободительный аспект. Предвыборная кампания за избрание Ельцина президентом России, в которую активно включилась «Демократическая Россия», проходила под лозунгом независимой, свободной и процветающей России. Вот как эту ситуацию описал член нашей группы социологической интервенции Евгений Ж.

«Противостояние двух центров — союзного и и республиканского — было использовано для продвижения реформ, когда стало очевидно, что союзный центр не настроен на радикальные реформы. "ДемРоссия" однозначно поддержала республиканский центр, потому что он был готов осуществить реформы. Какое отношение было к государству? По отношению к Центру как разрушительное. То есть "ДемРоссия" целенаправленно разрушала союзный центр, пытаясь провести перераспределение власти в пользу республиканских центров».

На данном этапе борьбы за реформы и, в конечном счете, за власть «Демократическая Россия», соединив возможность поведения реформ в России с Ельциным, идентифицировала себя с ним.

«Дилеммы "поддерживать—не поддерживать" перед "ДемРоссией" не было. Однозначно "да", поскольку Ельцин был той фигурой, на которую сделала ставку "ДемРоссия" и которую единодушно поддерживала, отдавая ему дань, видя в нем вождя» (Лидия А.).

Впоследствии, когда после устранения союзного центра Ельцин начал экономическую реформу, идентификация «Демократической России» с Ельциным стала камнем преткновения для российского демократического движения при определении своего отношения к власти.

Развязка в противостоянии союзной власти и движения наступила неожиданно быстро. К конфронтации привели действия обеих сторон. Поспешные, непродуманные действия консервативной части номенклатуры, которая ввела

чрезвычайное положение, означали приостановку демократического процесса. Они пробудили Россию и вызвали волну сопротивления. Тысячи москвичей вышли на защиту того, что они считали демократией.

Однако к чрезвычайным мерам консерваторов подтолкнула политика Горбачева, который, в свою очередь, вынужден был действовать под давлением демократического движения (политическая забастовка шахтеров весной 1991 г., избрание российского президента при поддержке «Демократической России»).

«Благодаря "ДемРоссии" произошел путч. Мы спровоцировали его, потому что ни почувствовали в нас серьезных оппонентов» (Владимир Ф.),

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ПОСЛЕ АВГУСТА-91: ПРОВАЛ ИЛИ КРИЗИС?

Социальные движения лучше всего проявляются в конфликтных ситуациях перетягивания каната между прошлым и будущим. Они служат как бы напоминанием действующим лицам, что будущее определяется более их творческой силой, нежели их творениями, более их убеждениями, чем результатами, которых им удалось достичь.

А. Турен

Устранение КПСС с политической сцены после провала путча означало, что демократическое политическое движение достигло своей цели. У рычагов власти оказались люди, которых поддерживали демократы.

В новой ситуации, возникшей после путча, нужно было вновь осмыслить вопросы: есть ли противник у «Демократической России»? От имени кого говорит демократическое движение? К каким целям стремится, какие ценности утверждает?

Однако однозначных ответов уже не было. С исчезновением общего врага, цементирующего демократическое движение, в рядах демократов на поверхность выплеснулись противоречия, началась серия расколов и выходов из единого блока «Демократическая Россия». Сначала из него вышли патриотически настроенные партии. В «ДемРоссии» остались те, для кого «демократические принципы важнее национальных» (Евгений Ж.). Затем от «ДемРоссии» отделился блок партий социал-демократической и социал-либеральной ориентации. В оставшейся части, состоящей преимущественно из индивидуальных членов, обозначился раскол на два крыла — радикальное и умеренно-прагматическое — в связи с вопросом об отношении к власти. Фактически раскол произошел на уровне руководства, он не захватил районные ячейки, хотя кризисные явления затронули и этот уровень движения: наблюдалось и заметно до сих пор постепенное затухание деятельности на местах.

В связи с отсутствием необходимости массовых действий, активность сконцентрировалась на уровне руководства, и по заявлениям лидеров стали судить о состоянии всего движения. Настроения рядовых членов, тревоги и надежды активистов демократического движения, энергией которых оно питается, остались в тени. Способно ли движение выйти из кризиса, обрести второе дыхание и участвовать в создании демократического общества в России? Кто сегодня оппонент у демократического движения, чьи интересы оно защищает, к чему стремится? Ответы на эти вопросы мы искали вместе с активистами политического движения — членами нашей группы социологической интервенции.

Отношение к власти

КПСС как противник больше не существовала. Государство, из которого был удален стержень — партия, оказалось слабым. Оно уже не могло быть той мишенью, в которую надо направлять разрушительные действия. Это признавали участники нашей группы.

«Пока мы не видим, от кого надо защищаться. Вот это государство, которое распадается на наших глазах, оно такой же больной человек, как и мы. Мы от него не защищаемся, а стараемся действовать вместе с ним в отыскании новых ходов нашей жизни» (Марианна С).

Отсутствие противника вызвало дискомфорт в рядах демократического движения, который оно пыталось преодолеть, возвращаясь к старым формам действия — митингам («плохое продолжение хорошего начала») и «реставрируя» прежнего оппонента в виде «красно-коричневой» угрозы.

«Необходимость держаться нам вместе диктует нарастающая опасность коммунистической коалиции, которой противопоставить что-то по отдельности мы не можем» (Александр К.).

В нашей группе нашлось много сторонников точки зрения, что старое противоречие «коммунисты—демократы» сохранялось, поскольку остались куски старой власти. К концу заседаний в группе произошла переоценка характера нынешней власти, было поставлено под сомнение широко распространенное убеждение, что к власти пришли демократы.

«Я не вижу у власти ни одного демократа» (Юрий Р.). «К власти пришли те, кого поддерживали демократы» (Анатолий А.). «У власти слой перестроечной номенклатуры» (Александр К.).

Отождествление демократического движения с Ельциным, сложившееся в период борьбы с КПСС и укрепившееся во время путча, сменилось у демократических активистов более критическим отношением к действиям президента России и его команды.

После путча политическое демократическое движение, связав свою судьбу с Ельциным, оказалось в ситуации, в которой не было возможности для самостоятельного развития:

— если демократическое движение поддерживает (пусть и не полностью) власть, то как автономная политическая сила оно растворяется в политике власти;

— если же не поддерживает, тогда оно не демократическое движение, поскольку противостоит той единственной возможности реформ, которые ведутся людьми, приведенными к власти усилиями демократов.

Раскол в руководстве движения «ДемРоссия», если отвлечься от субъективных причин внутридвиженческой борьбы за лидерство, представлял собой попытку части движения разрешить эту дилемму и найти собственное политическое лицо в сложившейся новой ситуации.

Прагматическое крыло ратовало за достаточно тесное сотрудничество с

властью и даже за инкорпорирование демократических общественных институтов в государственную власть. Тон в нем задавали депутаты, которые сами уже стали частью власти. Они выступали с инициативой создания общественных комитетов реформы для защиты и проведения экономической политики правительства на местах. Приглашенный в группу в качестве собеседника один из лидеров этого направления В. Боксер на вопрос, какова роль движения сегодня, ответил: «Движение должно сейчас постараться заменить систему органов представительной власти не с точки зрения властных полномочий, а с точки зрения обратной связи с теми, кто у нас осуществляет экономическую реформу, с руководителями исполнительной власти и т.п. ... Нынешние органы представительной власти с этой функцией не справляются, наоборот, являются тормозящей силой... А правительство не имеет никаких структур, даже информационных, для проведения реформы».

Однако эта идея создания параллельной структуры для оказания давления на местные Советы не получила поддержки у членов нашей группы. Настроениям активистов была ближе позиция радикального крыла, лидеры которого выступали за то, чтобы движение находилось на большей дистанции от власти: «Мы должны быть независимой силой от старой и новой номенклатуры, от аппарата. Мы не смеем сливаться с государством» (из выступления Л. Баткина на П съезде «ДемРоссии»)

И хотя голоса защитников этой позиции в группе не сливались в стройный хор, было заметно, как отношение наших участников к власти претерпевает эволюцию.

«"ДемРоссия", приведя к власти основных демократических лидеров, ответственна за их ту или иную политическую линию. Но ответственность на первых порах была понята как полная и огульная поддержка... А критиковать надо было значительно раньше... Мы не можем поддерживать Ельцина в любых его шагах, даже понимая значение реформы» (Лидия А.). «То, к чему мы должны стремиться, это к поддержке не лидера, а реформы» (Михаил К.).

Но насколько велик созидательный потенциал демократического движения, чтобы стать самостоятельной политической силой и быть альтернативой авторитаризму, реальную опасность которого ощущали участники нашей группы? Насколько сильны их демократические убеждения и настрой?

Какие условия необходимы для полноценной политической деятельности?

Этот основной на сегодня для демократического движения вопрос оказался самым сложным для активистов, участников нашей группы.

После путча возможности для развития движения как самостоятельной политической силы оказались закрытыми, как об этом уже упоминалось, в связи с отождествлением движения с Ельциным. С другой стороны, потеря идентичности была следствием того, что у движения не имелось своей программы. Ее не было в силу антипрограммной сути движения протеста, нацеленного прежде всего на свержение режима. Ее не было вследствие широты самого движения. Не появилось у «Демократической России» своей программы реформ и после того, как Ельцин приступил к проведению экономической реформы, поскольку считалось, что он движется в нужном направлении (хотя ни президент, ни правительство программы осуществления преобразований не объявляли).

После того, как формула противостояния, дававшая силы демократическому движению, была упразднена, у движения не оказалось объединяющей идеи. Членов «Демократической России», после всех выходов национал-демократи-

ческих и социал-демократических партий, как показали дискуссии в группе, объединял слабо и очень схематично очерченный проект западного либерально-демократического общества, в котором оказались совсем не проработанными идеи национального и культурного возрождения России как самостоятельного государства.

Когда же началась экономическая реформа, которая сопровождалась снижением жизненного уровня значительной части населения и появлением слоев, которых не устраивает ее либеральный вариант «шоковой терапии», обнаружилось, что движение не может, как прежде, представлять все общество. И в выступлениях участников группы, и в речах идеологов движения стало признаваться деление российского общества на предпринимателей, средние слои и люмпенов, к которым чаще всего относили людей, не согласных с социальными последствиями реформы. И в самом движении (и внутри нашей группы) существовали различия в приоритетах. В обсуждении программы экономической реформы при встрече с приглашенным в группу ученым-экономистом слышались голоса, осуждающие безжалостный характер шоковой терапии.

«В переходный период меры социальной защиты для населения, привыкшего к определенному строю жизни, должны быть обязательно, иначе мы подорвем веру в реформу, в справедливость» (Лидия А.).

Экономическая реформа еще только начиналась, однако наши участники высказывали опасения и предупреждали о нежелательных социальных последствиях.

«Люди в общей своей массе не подготовлены к осознанию тех идей, которые лично я готова принять. Для большинства будет шок. Пострадает все: и культура и наука. Разрушится все. Радикальные хирургические вмешательства для нынешней социальной ситуации недопустимы» (Лидия А.).

Впоследствии активисты демократического движения говорили о необходимости работать с населением и описывали эту работу в терминах «информировать», «агитировать», «успокаивать», чтобы помочь психологически вжиться в ситуацию глубоких перемен в жизни. Однако, как показала встреча с представителями молодежи, участники движения по-прежнему видели народ как единую массу, не различая в нем отдельных слоев. Но самое главное, активисты не представляли себе, как можно выявлять, интегрировать и находить выражение различным общественным интересам.

Процесс самоидентификации демократического движения, поиск собственного лица и тех слоев, интересы которых защищает «Демократическая Россия» в сегодняшних условиях, не закончился. Неслучайно один из лидеров движения, выступавший в группе, говорил о социальной базе движения в прошедшем и будущем времени, упуская настоящее:

«Это было движение, выражавшее, в основном, интересы средних слоев старого советского общества. Вот из этих слоев в будущем должен сформироваться, с определенными потерями, средний класс. И вот здесь движение должно найти свою экологическую нишу» (В. Боксер).

Чтобы сегодня сохранить в России приверженцев демократии, необходим, как отмечали участники движения, постоянный демократический процесс. Однако, когда встал вопрос о выборах как важнейшем элементе этого процесса и условия формирования политического пространства, то была заметна непоследовательность демократической позиции многих активистов. Необходимость выборов обуславливалась благоприятной ситуацией для демократов. Поскольку в условиях экономического кризиса политическая активность населения затухает и на выборы никто не придет — значит, выборы надо откладывать. Сегодня демократический лагерь не располагает необходимыми профессиональными кадрами политиков, чтобы заполнить структуры представительной и исполнительной власти, — значит, выборы преждевременны.

Имея очень смутное представление об условиях, необходимых для политической деятельности, члены нашей группы социологической интервенции проявили нравственный пафос в своем видении политики и политиков, которые нужны сегодня России.

Активисты требуют новой политики — нравственной и ответственной

Чтобы российское общество перешло к демократии, нужно преодолеть отношение к политике как безнравственному делу. Усилия в этом направлении нужно предпринимать уже сегодня — таков был лейтмотив обсуждения темы «политика и нравственность». В группе прозвучало мнение, что политика сегодня — это грязное дело и ничего с этим не поделаешь.

«Сегодня политика — грязное дело. Когда у нас будет все хорошо, политика не понадобится» (Юрий Р.). «Только рынок разнообразной политической деятельности может сформировать достаточно высокую нравственность политической деятельности. В высокоправном гражданском обществе будет высокого уровня нравственная политика... Акцентировать внимание на нравственности политической деятельности больше, чем какой-либо другой деятельности, ни в коем случае нельзя» (Михаил К.).

И все же противоположная точка зрения нашла больше сторонников. Евгений Ж. возразил, что предъявление особого счета к политике оправдано, поскольку российское общество начинает восстанавливаться с политики. И поэтому, если мы сегодня допустим, чтобы политика была безнравственной, то через несколько лет это скажется на духовном здоровье общества. Очень горячо защищала позицию, что нравственная основа в политике важнее всего, Лидия А.:

«Политика должна делаться чистыми руками, с чистыми помыслами, с чистой совестью. Демократию невозможно построить, если не вернуть людям такие понятия, как вера, честь, совесть, собственное достоинство, долг перед родиной. Эта проблема стоит особенно остро сейчас. Конфликт в "ДемРоссии" проходит как раз по этой линии "нравственно—безнравственно"».

Так же часто, как тема нравственности в политике, в дискуссиях поднималась тема ответственности политики и политиков. Что значит быть ответственным для активистов движения и движения в целом? Действовать более ответственно — значит не бросать на перепутье тех, кого увлекли за собой в борьбе за демократию.

■ «Я категорически не согласен с тем, что мы никому Ничего не должны как партия, как движение. Мы народ звали, мы от него просили действий, они эти действия делали, а мы после этого ничего не должны? Мы должны в той мере, в какой берем ответственность за судьбу страны. Поскольку мы вмешиваемся в ситуацию, мы берем на себя ответственность» (Евгений Х.). «Ответственность за усиление демократизации общества лежит на нас, на "ДемРоссии", на партиях» (Владимир Ф.).

Для утверждения ценностей демократии очень важно, говорили участники группы, наладить отношения партнерства между партиями, обрести умение слушать друг друга и находить компромиссы. Ситуация бесконечных скандалов и расколов в движении дискредитирует демократию и демократические структуры. «Чтобы нам развиваться дальше, — говорили активисты движения, — нам надо научиться слушать и слышать друг друга».

Завершая статью, я хотела бы вернуться к тем вопросам, которые были поставлены в начале. На вопрос, есть ли «актеры» разрушения системы, активисты движения, как мне кажется, дали положительный ответ. Демократическое движение и явилось тем сознательным и организованным действующим лицом, коллективные действия которого способствовали крушению

тоталитарного режима. Но является ли «актер» разрушения одновременно «актером» созидания нового общества — этот вопрос остается открытым. Поиск новых форм деятельности и нового политического лица российского демократического движения продолжается. Остается надеяться, что актерам, которые успешно сыграли в первом акте исторической драмы под названием «Выход из коммунизма», хватит творческих сил, чтобы остаться на политической сцене и бороться за утверждение демократии на российской почве.

ЛИТЕРАТУРА, "

1. *Пастухов В.* Российское демократическое движение: путь к власти // Политические исслед. 1992. № 1—2. С. 8—16.
2. *Буковский В.* Я вдруг расцвел в удивительно сжатые сроки // Независимая газ. 1992. 31 янв.
3. *Arato A.* Social movements and civil society in the Soviet Union // *Judith B. Sedatis and Jim Butterfield* (eds.) *Perestroika from below: Social movements in the Soviet Union.* Oxford: Westview Press, 1991. P. 197—214a.